

Про Сокольника

Недалёко от города от Киёва,
Недалёко ли во чистом полё — за двенадцать верст,
Тут стояла застава богатырская,
Тут стояло тут тридцать удалых добрых молодцев,
Тут стояло тридцать могучих богатырей.
Уж наибольший их был да, право, стар казак,
Стар казак Илья Муромец.
Выезжал Сокольник во чистое полё,
Ездит на полях у города у Киева,
Не приворотил к заставе богатырской,
Не спросился славных богатырей.
Ездил Сокольник по чистую полю,
Своими утехами забавляется:
Подкидывает свою палицу буёвую,
Палица была девяносто пудов,
На полёте-то палочку подхватывают,
На землю ей не ураниват;
Из туга лука стрелочку постреливат,
На землю ее не ураниват,
На полете стрелочку подхватывают.
По правую руку бегат черной медведь,
По левую руку бегат серый волк,
На правом плече сидит млад ясён сокол,
На левом плече — млад сиз орел,
На головушке сидит черный кречеток заморской.
Вставал Илеюшко по утру по раннему,
Вот он брал трубочку подзорную,
Выходил он в одну улочку,
Заходил на заставу богатырскую,
Смотрел Илья да на все стороны.
Смотрел в сторонку подшелонную —
Стоят леса темные, дремучие;
Смотрел в сторону подзападную —
Под западной сторонешкой грязи черные, болота зыбучие;
Смотрел в сторонешку подглубничную —

Под глубничной сторонкой снежны горы непроходимые;
Смотрел в сторонку подсеверную —
Под северной сторонушкой стоят сині моря Вохлынские,
Стоят сині моря Вохлынские, Ледовитый океан.
Смотрел в сторонку подполúночну —
Тут стоят ледяны горы непроходимые;
Смотрел в сторонку подвосточную —
Под восточной сторонкой стоят горы превысокие,
Стоят горы превысокие, места претемные;
Смотрел в сторонку подобédничную —
В подобédничной сторонке стоят поля зеленые;
Смотрел в сторону теплую подлётную —
В подлётной сторонке стоит славный Киев-град,
По чистым полям ездит Издóблище поганое.
Тогда стар казак зашел да на заставу богатырскую,
Разбудил всех мóлодцов-богáтырей:
«Проспали мы: Издолище поганое
Ездит по чистым полям по киевским».
Сказал стар казак Илья Муромец:
«Надо ехати проведати,
Снарядить Алешеньку Поповича!»
(Худяшший такой был, малосильный!)
Уж как стал Алешенька сряжатися,
Стал Попович сподоблятися.
Выходил Алешенька на улицу,
Обуздал коня уздечкою тасмяной,
Оседлал седёлышком зеркальчатым,
Во седёлышко клал плотны потнички,
На потнички стелил он мягки войлочки,
Застегивал у седла двенадцатую подстегóбенку,
Метал тринадцатую через сильну степь,
Через сильну степь лошадиную:
«Это не ради басы́ — ради крепости,
Не оставил чтобы конь меня в чистóм полé».
На коня вскочил, в стремена ступил,
Поехал Алешенька ко Издóблищу.
Подъезжает, ругает речьми непотребными:
«Ах ты Издóблище, сорока белобокая,
Ты, ворона пустопёрая,

Уж ты едешь мимо заставы богатырской,
Нас, богатырей, ничем зовешь,
Нас, богатырей, ни во что кладешь!»
Едет Сокольник помимочок, ему не здоровствует,
Своими утехами забавляется.

Обгонил его Алешенька вокруг кругом,
Встречает Сокольника, сам ругается:
«Ты, сорока белобокая, ворона пустопёрая,
Едешь мимо нашей заставы богатырской,
Нас, богатырей, ничем зовешь,
Нас, богатырей, ни во что кладешь,
Не отдаешь нам честь молодецкую!»
Едет Сокольник помимочок, ему не здоровствует.

Обгонил Алеша Сокольника во третий раз,
Обгонил, опять ругается.

«Ты, сорока белобокая, ворона пустопёрая,
Едешь мимо нашей заставы богатырской,
Нас, богатырей, ничем зовешь,
Нас, богатырей, ни во что кладешь,
Не отдаешь нам честь молодецкую!»

Это Сокольнику не по уму пришлось,
Это Сокольнику не по разуму,
За великую досадушку показалось.

Подгонил Сокольник ко Алешеньке,
Схватил его за черны кудри,
Вытащил его из седлышка,
На ж<опу> полбил два отяпышка,
На отяпышки положил два олабушка
(четыре раза хлопнул!) —

Алеша и встать не смог.

Еле-еле взобрался на добра коня
И поехал на заставу богатырскую.

Вышел стар казак из заставы,
Смотрит он на Алешеньку Поповича:

Уж как едет Алеша не по-старому,
Не по-старому едет, не по-прежнему,
Он лягается на коне, как худа ворона.

Зашел стар казак на заставу богатырскую:
«Не надо было посылать Алешеньку Поповича,

Алешенька ведь роду он поповского,
Он поповского роду, собачлива,
А надо было посылать Добрынюшку Микитича.
У Добрыни отец был Никита Романович,
Он ведь роду был-от вежлива, вежлива роду, очестлива,
Умел с людьми сойтись, съехаться,
Умел людей именём назвать
И величать из отечества.
И Добрынюшка Микитич роду вежливого».
Стал Добрынюшка сряжаться,
Микитич-бат сподобляться,
Срядился он скоро-на́скоро,
Выходил он вон на улицу,
Обуздал коня уздечкою тасмяною,
Обседлал его седёлышком зеркальчатым,
Во седёлышко клал плотны потнички,
На потнички стелил мягки войлочки,
Застегивал двенадцатую подстегóленку,
Метал тринадцатую через сильну степь,
Через сильну степь лошадиную:
Не ради басы́ — ради крепости,
Не оставил чтобы конь да во чистóм полé.
На коня садился Добрыня, в стремяна ступил,
Не видали поездки молодецкой,
Не видали побезки лошадиной,
Только видят: в поле куревá стоит,
Из ушей пар столбом валит,
Из ноздрей искры сыпом сыплются,
Изо рту пламя-огонь столбом стоит.
Подгонил Добрынюшка к Сокольничку,
Обгонил его вокруг-кругом,
Соскочил Добрыня со добра́ коня,
Снял он шапочку-пуховой колпак,
Еще кланяется понизёшенько:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
Коя ты села, коя города,
Какого роду, какой племени,
Какого отца, которой маменьки,
Как тебя, мóлодца, именём назвать

И величать тебя из отечества?»
Едет Сокольник помимочок, ему не здоровствует.
Заскочил Добрыня на добра коня,
Обгонил Сокольника вокруг-кругом,
Соскочил со добра коня,
Снял он шапку-пуховой колпак,
Еще кланяется понизёшенько:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
Коя ты села, коя города,
Какого роду, какой племени,
Какого отца, которой маменьки,
Как тебя, мбодца, именём назвать
И величать тебя из отечества?»
Сокольник едет помимочок, не разговариват.
Тогда заскочил Добрыня на добра коня,
Обгонил Сокольника вокруг-кругом.
Стретаётся ему во третий раз.
Снял он шапочку-пуховой колпак,
Еще кланяется понизёшенько:
«Здравствуешь, удалый добрый молодец,
Коя ты села, коя города,
Какого роду, какой племени,
Какого отца, которой маменьки,
Как тебя, мбодца, именём называть
И величать тебя из отечества?»
Тут сказал ему Сокольник:
«Я не спрашивал вас ни отца, ни матери,
Я не спрашивал ни роду, ни племени.
Только надо мне поединщичка,
Старого казака Илью Муромца».
Тогда заскочил Добрыня на добра коня,
Приехал на заставу богатырскую:
«Что Сокольником со мною не здоровался,
Только просит он, Сокольник, поединщичка,
Стара казака Илью Муромца».
Тут и стал Илеюшка сряжаться,
Стал сряжаться, сподобляться,
Снарядилсе Илейко скоро-наскоро,
Обуздал коня уздечкою тасмяною,

Обседлал коня седёлышком зеркальским,
Во седельшко клал плотны потнички,
На потнички стелил мягки войлочки,
Застегивал у седла двенадцатую подстегóбенку,
Метал тринадцатую через сильную степь,
Через сильну степь лошадиную:
Не ради басы́ — ради крепости,
Не оставил чтобы конь во чистóм полé.
И поехал тогда Илеюшка в стольный Киев-град:
«Надо, надо мне-ка покаяться,
Надо, надо мне с души грехи снести,
Может статья — убьют меня».
Покаялся Илейко, распростился с князем и с княгинею,
Тогда уехал на заставу богатырскую,
Распростился со богáтырями.
Как сказал Илейко таково слово:
«Коли убьют меня, — схороните во матушку во сыру землю́».
Распростился он, садился на добра́ коня,
Погонил он в чíсто поле к Сокольничку.
Не гора с горой скатается —
Богатырь с богатырем съезжаются.
Ухватили они по палице буёвой,
Начали один другого бить палицами буёвыми.
От рук их палочки загорелися,
По насадочкам извихлялися —
Бросали они палочки на матушку сыру землю́.
Схватили тогда по копейцу бурзомецкому,
Начали драться кольями бурзомецкими.
Дрались они копьями бурзомецкими.
От рук у их копеицы загоралися,
По насадочкам извихлялися —
Бросили они их на матушку сыру землю́.
Схватили они по сабельке по вострой,
Нещерблены, некровавлены,
Начали рубиться саблями острыми.
От рук их сабельки загорелися,
С носка до пяты исщербалися,
По насадочкам извихлялися —
Бросили их на матушку сыру землю́.

Соскочили тогда со добрых коней на матушку сыру землю.
Схватились в рукопашный бой.
Дрались они, промесили матушку сыру землю до колена.
У старого права нога да прокатилася,
Лева рука да прохватила —
Улетел старой на матушку сыру землю.
Взлетел Сокольник ему на белы́ груді́,
Вытащил чинжалище, булатен нож,
Хочет распороть у старого белы́ груді́,
Вытащить лёгка, печень и ретивó сердцб,
Предать старбго злой смерти.
Тогда взмолился старбй Богу Господу:
«За что выдали меня поганому татарину на поруганье?
Стоял я сорок лет за церкви за соборные,
Стоял за веру за крещеную,
За пресвяту я Божью мать Богородицу
И за всю силу небесную,
Стоял я за тех младенцев троелётных,
За тех девиц сорокалётных,
Не выдавал поганым татарам на поруганье».
Вдруг у старого силы прибыло.
Схватил Сокольника за черны́ кудри́,
Свистнул его с себя на сыру землю,
Взлетел ему на белы́ груді́,
Вытащил чинжалище булатен нож,
Хочет у него распороть белы́ груді́,
Вытащить вон ретивó сердцб.
Замахнулся, хочет всадить ему булатен нож в белы́ груді́ —
В плече у его рука застоялася.
Стал Илеюшка выспрашивать:
«Кто ой еси, удалый молодец,
Коя села, коя города,
Какого роду, какой племени,
Как тебя именём назвать, величать по отчеству?»
Говорит Сокольник таковы слова:
«Когда я сидел у тебя на белы́х грудя́х,
Я не спрашивал у тебя ни роду, ни племени,
Ни отца не спрашивал, ни матери,
Пори мои груди белые,

Тащи вон мое ретивó сердцѳ, лёгка и печень».
Во второй раз замахнулся старой казак Илья Муромец —
Во локтю у Ильи рука застоялося.
Опять старой стал выпрашивать:
«Кто ой еси, удалый добрый молодец,
Коя села, коя города,
Какого роду, какой племени,
Как тебя именѳм назвать, величать по отечеству?»
Говорит Сокольничек таковы слова:
«Когда я сидел у тебя на белѳх грудѳх,
Я не спрашивал у тебя ни роду, ни племени,
Ни отца не спрашивал, ни матери.
Пори мои груди белые,
Тащи вон мое ретивѳ сердцѳ, лёгка и печень,
Представляй меня да злой смерти».
Третий раз замахнулся старой казак Илья Муромец —
В кисти рука застоялося.
Тогда стал он опять Сокольничка спрашивать:
«Кто ой еси, удалый добрый молодец,
Коя села, коя города,
Какого роду, какой племени,
Как тебя именѳм звать, величать по отечеству?»
Тогда сказал ему Сокольничек:
«От того я от моря, моря синего,
От того я от камешка от Лѳтыря,
От той от матушки Золотой горки».
Соскакивал старой на резвы ногѳ,
Брал Сокольничка за белѳ руки,
Ставил его на резвѳ ногѳ,
Целовал его в уста сахѳрные,
Называл его сыном любимым.
Говорит Сокольник таковѳ словѳ:
«Как ты мог меня прижить моей маменьке?» —
«Я у твоей маменьки жил в таю три месяца,
Тут я тебя прижил, мой сын». —
«Я съезжу, спрошу у маменьки,
Верно ли ты ею хвастаешь».
На коня скочил, в стремяна ступил,
Погонил Сокольничек во своѳ местѳ.

А старой казак поставил шатер белобархатный,
Лег спать с великого побоища,
Захрапел, как порог зашумел.
Пригонил Сокольник ко своѣ местѹ.
Не приказывал коня, не привязывал,
Как бежал он в палаты белокаменны.
Повстречалась ему маменька родимая.
Говорит Сокольник таковы слова:
«Был я на полях на киевских,
Видел старого казака Илью Муромца,
Он тебя назвал б<лядь>ю, меня зовет вы<бляд>ком». —
«Не пустым старѡй похваляется:
Жил со мною в таю три месяца,
Тут тебя мне-ка прижил».
Схватил Сокольник сабельку вострую,
Нещарблёну, некровавлену,
Срубил у матери буйну голову.
Схватил копейцо берзомецкое,
Как бежал он вон на улицу,
Как садился на добра коня,
Как он ехал во чисто полѣ ко старому.
Старой спит, как порог шумит.
Заскочил Сокольник в шатер белобархатный,
Ткнул старого копьем берзомецким в ретиво сердце.
А у старого погодилсе на груди чуден крест —
В крест взошло копейцо и сломилося.
Ото сну старѡй прохвѣтился,
Соскочил старѡй на резвы ногѣ,
Как схватил Соколичка за черны кудри,
Свистнул его в вышину поверх,
Поднял повыше дерева стоячего,
Чуть пониже облака ходячего,
Не подхватывал его на белы руки.
Пал он на матушку сыру землю, —
Тут Соколичку смерть случилася.
Поймал Соколичкова коня старѡй казак,
Привязал Соколичка к коню за хвост,
Пустил Соколичка во чисто полѣ:
«Езди, гуляй по чистым полям».

Тогда собрал свой бело́й шатер,
Склал в седёлышко зеркальское,
Вскочил старой на добра́ коня,
Сам поехал на заставу богатырскую.
Собрались тогда русские могучие богатыри
И поехали во стольный Киев-град.
Приезжали они в стольный Киев-град,
Сделал тогда князь им почестен пир,
Пировали они, столовали трое суток.
(Тогда и конец.)

(Зап. Колпаковой Н. П.: 25 июля 1955 г., сел. Усть-Цильма — от Дуркина Тимофея Семеновича, 84 г.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.